

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

И. Г. Добродомов

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Большая и чрезвычайно разбросанная литература, посвященная выяснению тюркского вклада в русском и других славянских языках, очень рано потребовала своего библиографического обозрения и систематической оценки. Вероятно, первый обзор литературы о тюркизмах в славянских языках был предпринят А. Е. Крымским¹, а впоследствии обзорами литературы по изучению тюркских лексических проникновений обычно начинались более или менее значительные работы по этой проблематике, но подобные обзоры обычно были далекими от полноты. Неполнотой страдает также и появившийся в 1971 г. самодовлеющий обзор литературы, предпринятый Н. Н. Поппе-младшим², где внимание сосредоточено на наиболее крупных этапных исследованиях и словарях. Особенно велики у Н. Н. Поппе-младшего пропуски русской литературы.

Составленная автором этих строк и Г. Я. Романовой «Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках»³ требует в качестве путеводителя по библиографии хотя бы краткой историографической

¹ А. Ю. К р и м с ь к и й. Тюрки, їх мови та літератури. I. Тюркські мови. Вип. 2. Київ, 1930, с. 202—209 (перепечатано в кн.: А. Ю. К р и м с ь к и й. Твори в п'яти томах. Т. 4. Сходознавство. Київ, 1974, с. 574—583).

² N. P o p p e, Jr. Studies of Turkic Loan-Words in Russian. Wiesbaden, 1971, X+70 с. (Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens. Herausgegeben für das Seminar für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn von W. Heissig unter Mitwirkung von H. Franke und N. Poppe, Bd 34). Дополнения см.: И. Г. Д о б р о д о м о в. К историографии изучения тюркизмов в русском языке. — СТ. 1974, № 5, с. 72—75. Рец. М. Адамовича на книгу Н. Н. Поппе см.: Indogermanische Forschungen, Bd 88, 1975, с. 180—184.

³ Вышла в качестве приложения к книге: К. Г. М е н г е с. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, с. 211—238.

справки, где приведенная в библиографии литература получила бы оценку с точки зрения современной славистики и тюркологии и рассматривалась бы не в плане чистой библиографической инвентаризации, а в общем русле развития русской славистики и востоковедения⁴.

В настоящем обзоре представляется целесообразным ограничиться лишь литературой по изучению тюркизов, вышедшей до 1965 г., поскольку возросший в конце 50-х—начале 60-х годов нашего века интерес к проблеме тюрко-славянских языковых контактов реализовался во второй половине 60-х—начале 70-х годов целой серией работ по тюркизмам, в том числе и выходом в свет «Словаря тюркизов в русском языке» Е. Н. Шиповой⁵, который, будучи заметным явлением в советской филологии, не обобщил, однако, всего опыта тюрко-славянских исследований последнего времени и требует продолжения работы в плане подготовки более объемного словаря с большим вниманием к истории слова в русском языке.

Первые наиболее значительные опыты изучения слов, заимствованных русским языком из восточных языков, были сделаны еще в XVIII в. В некоторых журналах были опубликованы списки слов восточного происхождения, среди которых встречаются и тюркизмы (*слова турецкие и татарские* по тогдашней терминологии).

Но из-за низкого уровня развития языкознания эти первые опыты объяснения тюркизов и ориентализмов вообще часто носят весьма наивный для современного нам читателя характер и полны фантастических этимологий.

В 1769 г. в сатирическом журнале Вас. Тузова «Поденьшина» были опубликованы сравнения слов арабских, персидских, турецких и татарских с русскими, где некоторые сопоставления весьма удачны (*сарай, ханжа, аршин, сундук, бирюк, лошадь, кушак, киса, камыш, кафтан, алыи*). Ряд других сопоставлений отличается произвольностью и основан на случайных созвучиях. Ср., например, производство русск. *щи* от тат. и тур. *ашчи* и далее: «Да уж не от сего ли полно произошло и счастье, от *щи* и *ясть*: *щиястье* может быть в старые времена, бедные люди говаривали о достаточных: *так разбогател, до такого состояния дошел, что каждой день щи есть может*. . . а особливо *помяни Богъ на празд-*

⁴ Краткий обзор дореволюционной русской литературы см.: А. Н. К о н о в. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 251—253. Один из последних обзоров см.: Л. Л. А ю п о в а. Из истории изучения тюркских лексических заимствований в русском языке. — Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1975, с. 191—207.

⁵ Е. Н. Ш и п о в а. Словарь тюркизов в русском языке. А.-А., 1976. См. рецензию Н. А. Баскакова и И. Г. Добродомова — ВЯ. 1978, № 1, с. 137—140.

ник мясные»⁶. Общие рассуждения о причинах заимствования русским языком тюркизмов есть в статье В. П. Светова «Некоторые общие примечания о языке российском», однако без конкретных примеров⁷.

Основанное в 1811 г. Общество любителей российской словесности при Московском университете интересовалось также и вопросом о влиянии других языков на русский язык. Так в 1812 г. этим обществом была выдвинута тема для конкурсного сочинения о влиянии других языков на русский, где перед исследователем в числе других ставилась задача исследовать связи русского языка с татарским (Протокол 12-го заседания торжественного. — Труды Общества любителей российской словесности при Имп. Московском университете. Ч. 4. М., 1812, с. 184).

И. Ю. Крачковский в «Очерках по истории русской арабистики» сообщает, что в 1816 г. выпускник Казанского университета Я. О. Ярцов «защитил диссертацию о восточных словах в русском языке»⁸. О судьбе этого сочинения нам ничего не известно. Это был первый опыт анализа тюркизмов в русской лексике. (Впоследствии Я. О. Ярцов почти отошел от науки, перейдя на службу в Азиатский департамент.)

«Опыт собрания и объяснения слов Арабских, Турецких, Персидских и Татарских, употребляемых в Российском языке» казанского профессора И. Яковкина, сообщенный 20 января 1817 г. на заседании Российской Академии Д. И. Хвостовым, можно считать вторым специальным трудом, в котором исследуются тюркизмы русского словаря. Но и этот труд, к сожалению, не сохранился⁹.

Хронологически этим трудам предшествовала брошюра известного востоковеда Х. Д. Френа «De origine vocabuli rossici деньги». Scripsit C. M. Fraehn. Rostochiensis, Casani, 1815, где Х. Д. Френ дает две этимологии русск. *деньги* 1) < тат. *тамга*, 2) < тат. *данг*, *денг* < перс. *dang*. Первая этимология является ошибочной, во второй же, несмотря на наличие некоторых неточностей, содержится весьма интересные сопоставления.

В 1820 г. редакция журнала «Сын Отечества» (ч. 59, с. 140—141) сообщила о чтении на торжественном годовом собрании Санкт-петербургского Императорского минералогического общества «Рассуждения» профессора Л. И. Панснера «О происхождении Российских названий драгоценных камней и металлов». В сообще-

⁶ В. Т у з о в. Поденьшина, сатирический журнал. 1769. Изд. А. Афанасьева. М., 1859, с. 127—134.

⁷ Академические известия. Ч. 3. СПб., сентябрь 1779, с. 77—78.

⁸ И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. 5. М.—Л., 1958, с. 56.

⁹ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России (XIII в.—1825 г.). СПб., 1904, с. 1083—1084; Записки о заседаниях имп. Российской академии за 1817 г., № 1, 20 января.

нии говорилось, что почти все русские названия драгоценных камней заимствованы из восточных языков, и приводился список этих слов с кратким указанием на источники заимствования.

На эти «Рассуждения» частично опирался А. Ф. Рихтер в своих «Исследованиях о влиянии монголо-татар на Россию», опубликованных в 1825 г. Первоначальный вариант этих «Исследований» был напечатан в 1822 г. Эта работа была перепечатана в 1846 г.¹⁰, уже после смерти А. Ф. Рихтера (1826 г.). Труд А. Ф. Рихтера носит скорее этнографический характер, хотя вопросы языка занимают в нем много места. А. Ф. Рихтер приписывает тюркское происхождение следующим словам: *кабак, калач, сакма, казак, майдан, ендова, ясырка, козак, тараханские* (грамоты), *тангаденгга, пула-полушка, алтын, атаман, аманат, артель, алый, армяк, базар, багор, бирюч, баранта, башня, булат, бунчуг, балахон, барыш, башка, башмак, бобыль, буза, бузун, бурда, ватага, гетман, епанча, есаул, ерлык, изюм, караул, кинжал, кушак, колпак, карий, кибитка, кошевой, коши, кремень, кутасы, кафтан, караван, каланча, кокошник, лошадь, мечеть, маяк, орда, оркан, паек, сапоги, сарай, сайдак, табун, толмач, улус, улан, ура, ханжа, халат, чемодан, шатер, шашка, шишак, шляпа, юрта, ясак, ям.* К этим словам автор присоединил и список названий «драгоценных и других камней, кои заимствованы из восточных языков», опираясь на сообщение «Сына Отечества» о докладе Л. И. Панснера.

Два различных исследования казанского профессора Ф. И. Эрдмана под одинаковым названием «Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский»¹¹ содержат ряд весьма важных теоретических положений, которых необходимо придерживаться при изучении восточных заимствований. В частности, Ф. И. Эрдман большое внимание призывает уделять историческим обстоятельствам заимствования. Уже в первом своем «Изъяснении» Ф. И. Эрдман пишет: «Я со своей стороны думаю, что при таком производстве слов должно, не столько смотреть на сходство отдельных слогов и звуков сравниваемых слов,

¹⁰ А. Ф. Р и х т е р. Нечто о влиянии монголов и татар на Россию. — Труды Вольного Общества любителей российской словесности. Ч. 17. СПб., 1822, с. 249—270; о н ж е. Исследование о влиянии монголо-татар на Россию. — «Отечественные записки». Ч. 22. № 62. 1825, июнь, с. 333—371; о н ж е. О влиянии монгольского владычества на Россию. — «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений». Т. 61, № 243. 1846, с. 205—225.

¹¹ Ф. И. Э р д м а н. Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский. — «Казанский вестник». Ч. 24. Кн. 9. Казань, 1828, сентябрь, с. 33—53; о н ж е. Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский. — Труд и летописи Общества истории и древностей российских. Ч. 5. Кн. 1. М., 1830, с. 215—245 (есть отдельные оттиски).

сколько следовать за началом их и уметь толковать ту искаженность, которая происходит от соединения сродных между собой согласных букв (звуков. — *И. Д.*) близости значений» (с. 34). Эти первоначальные наброски плана исследования, высказанные Ф. И. Эрдманом 8 июля 1828 г. на торжественном заседании Казанского общества любителей отечественной словесности, были развиты им во втором «Изъяснении», читанном им в 1830 г. в Обществе истории и древностей российских в Москве, где прослежены не только методы исследования ориентализмов, но и указано значение таких разысканий для истории: «При изъяснении слов, перешедших в какой-либо другой язык, должно прежде всего исследовать исторически и филологически корень сравниваемого с другим слова, взвешивать различные его значения, одно от другого проистекающие, смотреть на разные обстоятельства, даровавшие ему бытие и перенесшие на край отечественный, и наконец посоветоваться с памятью, не находится ли оно в том или другом языке, к которому оно кажется должно принадлежать, судя по внешней форме. Ежели глазам не тотчас представится поразительное сходство в отношении формы и значения, как то имеет в словах: х а л а т, б а з а р, к а ф т а н и п., так что или с самого начала уже оно перешло из первобытного языка в другой «безобразным, или долгота времени исказила оное; то в особенности надобно смотреть не столько на гласные, сколько на согласные буквы (звуки. — *И. Д.*), не выпуская из виду и самое сходство сих последних. Само собой разумеется, что свойственное каждому языку окончание совсем не берется здесь в расчет. По сделанному таким образом сличению, без сомнения все зависит от значения обоих сравниваемых слов. Здесь не надобно слишком рабски придерживаться этимологии; или подкладывать, так сказать, почитаемому за корень слову значение, хотя и свойственное корню, но не принадлежащее другому какому-либо происшедшему от оною изменению: должно доказать значение обоих слов под различными их видами наведением примеров, и, ежели возможно, присовокуплять к ним исторические события, наиболее служащие к пояснению. При всем том не должно позволять себе смешивать по произволу, напр., в восточных словах согласные буквы (т. е. звуки. — *И. Д.*), и как бы выдавливать, выковывать из гласных и согласных похожее слово; погрешности многих критиков, слишком упорно настаивавших на принятом ими мнении, могут служить тому доказательством. Впрочем, может случиться, что два слова в двух различных языках, смотря по согласным и гласным буквам (звукам. — *И. Д.*), те же самые; но тем еще не доказано, что они одинаковы и по значению; тем еще не разрешается прибегать к истолковательным догадкам для приведения их в совершенное согласие. Таковые насильственные средства доведут только до сумасбродства, в какое, напр., впали те, кои

тщетно старались производить *татар* из *тартара*. Ежели таким образом критик очистил оба слова в критико-филологическом отношении и представил их в гармонической связи с историею, нравами и другими или политическими, или даже духовными обстоятельствами, то результат уже не будет подлежать более никакому сомнению.

Сколь ни маловажными, может быть, покажутся тому или другому сравнению такого рода, столько однакож они необходимы; ибо они-то наиболее способствуют к истреблению долговременных ошибок, приманивающих к ложным мнениям и догадкам, и нередко даже представляют историю, географию и древности, кои на них менее или более основаны, в виде нового творения, пред глазами прилежного испытателя человеческих событий» (с. 215—217). Свои исследования слов восточного происхождения Ф. И. Эрдман завершил небольшой заметкой «Деньги, кабак, набат»¹². «В каждом языке существуют сверх того слова, заимствованные с самым предметом из какого-либо другого и не заменяемые никакими отечественными, которые посему остаются и должны оставаться навсегда благоприобретенною собственностью его. Чем более расстояние места, из которого они перешли, чем более пространство времени, в которое они получили право гражданства в новом своем отечестве, тем более исследователь должен заботиться о твердом восстановлении истинного смысла их, предупреждая тем частию затруднению, которое опоздалость и пренебрежение всегда влекут за собою, частию и уничтожая заблаговременно ложное мнение тех, которые по односторонности своей более затмевали нежели объясняли предложенную им задачу» (с. 3—4). В трех статьях Ф. И. Эрдмана разобраны и прокомментированы следующие слова: *охобень*, *кафтан*, *халат*, *кинжал*, *купол*, *альков*, *бомба* (хлопчатая бумага), *пемба*, *анбар*, *Казань*, *копейка*, *деньги*, *алтын*, *пуло*, *шаравары*, *сайгат*, *курта*, *куртка*, *алмаз*, *колпак*, *казна*, *казначей*, *казначейство*, *алаф*, *базар*, *кушак*.

Исследование Ф. И. Эрдмана «Следы азиатизма в „Слове о полку Игореве“»¹³ малоинтересно, хотя представляет первую печатную попытку выделить восточные элементы этого памятника.

Чрезвычайно важный методологический характер носят замечания И. Н. Березина, который писал в статье «Несколько замечаний об определении иностранных слов в русском языке»¹⁴: «Само собой разумеется, что прежде всего необходимо полное

¹² Ф. И. Эрдман. Деньги, кабак, набат. Новгород, 1855 (Отпечатано из № 16-го «Новгородских губернских ведомостей» сего года).

¹³ Ф. И. Эрдман. Следы азиатизма в Слове о полку Игореве. — ЖМНП. Ч. 36. Отд. 2. 1842, октябрь, с. 19—46.

¹⁴ «Москвитинин». 1852, август, № 15 (кн. 1), отд. 3, с. 106—109; несколько ранее им была опубликована заметка о слове *очаг* [см.: «Москвитинин» Т. I. 1852, январь, № 2 (кн. 2), отд. 8, смесь, с. 53—54].

знание исследуемых языков, но это знание не должно ограничиваться одним практическим пониманием языка, взятого в известную эпоху: с критическим взглядом на законы движения звуков в языке должно быть соединено историческое знакомство с постепенным развитием этих законов, иначе все дело кончится созвучием, а нет ничего опаснее этого оружия. Например, чрезвычайно легко вывести русское „тина“ от арабского подобнозначащего „тинъ“, но укажите мне исторически путь, по которому арабское слово, не употребляемое ни в тюркском, ни в персидском языках, — разумею здесь не книжный язык, — могло проникнуть в русский говор» (с. 107—108). Далее, говорит Березин, необходимо учитывать звуковые и семантические изменения при заимствовании, а также обращать внимание на географию слов (русские слова и разные тюркские языки): «например, при определении сибирских слов должно с большою осторожностью обращаться к османскому наречию» (с. 109).

Но недостаточная изученность большинства тюркских языков сделала невозможным осуществление всех этих требований на деле. Не случайно эти же самые вопросы поднимались почти сто лет спустя Т. Ковальским и Н. К. Дмитриевым. В практических исследованиях эти требования обычно во внимание не принимались; многие работы XIX и XX вв. были, по сути дела, попытками собрать доступный материал без глубокого его анализа. Зачастую этимология и история отдельных тюркизмов русского языка рассматривались попутно в работах исторического и филологического характера.

Одним из первых опытов широкого исследования тюркских слов в русском языке и его говорах являются разыскания, опубликованные под редакцией И. И. Срезневского в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики» в 1852—1854 гг. в «Прибавлениях» к «Известиям по Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук». Там были напечатаны словники, составленные на основании «Опыта областного великорусского словаря» (СПб., 1852). В этих комментированных словниках содержатся указания на возможный тюркский источник русских диалектных слов, часто с учетом литературного языка. Наиболее обширные комментарии к этим словам даны были А. К. Казембеком, но, к сожалению, его список остался неоконченным (остановился на слове *гужир*)¹⁵. Даже сейчас не лишены

¹⁵ А. Казембек. Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков. — Прибавления к Известиям по Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 1. 1852, стб. 22—37, 71—80; Т. 2. 1853, стб. 385—390. (Перепечатано в издании: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. [Т. 1]. СПб., 1854, стб. 22—37, 71—80, 385—390.)

интереса замечания младшего современника А. К. Казембека профессора И. Н. Березина, энциклопедически образованного видного тюрколога прошлого столетия¹⁶. Более скромны по объему замечания других российских востоковедов, привлеченных для этимологического комментирования «Опыта областного великорусского словаря». Их работы были выполнены в то же самое время. Интересные ссылки на тюркские языки содержат и заметки других известных наших востоковедов: А. А. Бобровникова, В. В. Григорьева, И. М. Ковалевского, П. Я. Петрова, А. М. Шёгрена¹⁷.

Богатый материал находим в вышедшей в Петербурге в 1858 г. на польском языке книге профессора Петербургского университета тюрколога А. О. Мухлинского о тюркизмах в польском языке и полонизмах в турецком¹⁸. В этом труде, который представляет собой два словаря, в алфавитном порядке перечислены: 1) ориентализмы (в том числе и тюркизмы) польского языка и 2) большей частью фантастические «полонизмы» турецкого языка (приложение). При этом наряду с заимствованными словами приводятся слова, являющиеся исконно родственными (санскрит или персидский язык). Эти слова почти не разграничиваются. Особенно много ошибок, обусловленных общим уровнем тогдашнего языкознания, содержится в приложении, где автор многие турецкие слова считает полонизмами. Книга А. О. Мухлинского явилась по существу первым этимологическим словарем лексических элементов восточного происхождения, включающим, по подсчетам А. Зайонч-

¹⁶ И. Н. Б е р е з и н. Замечания о восточных словах в областном великорусском языке. — Прибавления к Известиям по Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 1. 1852, стб. 186—192; Т. 2. 1853, стб. 323—332 (Перепечатано в издании: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. [Т. 1]. СПб., 1854, стб. 186—192, 323—332).

¹⁷ А. А. Б о б р о в н и к о в. Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков. — Прибавления к Известиям по Отделению русского языка и словесности. Т. 2. 1853, стб. 193—197; В. В. Г р и г о р ь е в. Областные великорусские слова восточного происхождения. Замечания к «Опыту областного великорусского словаря». — Там же. Т. 1. 1852, стб. 14—21, 68—70; И. М. К о в а л е в с к и й. Список слов, находящихся в «Опыте областного великорусского словаря», заимствованных из монгольского. — Там же. Т. 2. 1853, стб. 377—380; П. Я. П е т р о в. Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными. — Там же. Т. 1. 1852, стб. 81—92; А. М. Ш ё г р е н. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами северными и восточными. — Там же. Т. 1. 1852, стб. 145—162. Все эти статьи перепечатаны в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики». [Т. 1]. СПб., 1854, с сохранением первоначальной пагинации «Прибавлений».

¹⁸ A. M u c h l i ń s k i. Źródłosłownik wyrazów które przeszły wprost czy pośrednio do naszej mowy z języków wschodnich, tudzież mających zobowiązaną analogję co do brzmienia lub znaczenia, z dołączeniem zbiorku wyrazów przeniesionych z Polski do języka tureckiego. Petersburg, 1858.

ковского, около 500 ориентализмов (из 1000 гнезд). Однако в дальнейшем труды этих ученых в области изучения тюркизмов в русском языке и многие весьма интересные их сопоставления, сделанные этими учеными, были забыты, особенно по части авторства идей, хотя их соображения и легли в основу дальнейших разысканий. Эти идеи впоследствии уже цитировались обычно из вторых рук — чаще всего через капитальную работу известного слависта Фр. Миклошича, которая обобщила весь предшествующий материал.

Главной базой для последующего изучения тюркских заимствований в русском и других славянских языках явилась капитальная четырехтомная работа Фр. Миклошича о тюркизмах в восточно-европейских языках (1884—1890). Фр. Миклошич обобщил и собрал сам большой фактический материал, относящийся к тюркизмам в греческом, албанском, румынском, болгарском, сербском, украинском, русском и польском языках. Последующие исследователи уже, конечно, не могли обойтись без этой обширнейшей сводной работы, недостатки которой были обусловлены только уровнем развития тюркологии того времени. Поэтому впоследствии возник целый ряд поправок к работе Фр. Миклошича, среди которых выделяются рецензия Ф. Е. Корша и дополнения Ф. Крелиц-Грейфенхорста¹⁹. Но эти работы имеют много недостатков из-за отсутствия у авторов сведений по лексике многих тюркских языков и слабой изученности памятников средневековой тюркской письменности. Памятники древнетюркской руники тогда еще не были введены в оборот.

В плане постановки задач большое значение имел доклад о методологии исследования тюркизмов в славянских языках разностороннего польского востоковеда Тадеуша Ковальского, представленный I съезду славянских филологов в Праге в 1929 г.²⁰,

¹⁹ F. Miklosich. Die türkischen Elemente in der südost- und osteuropäischen Sprachen (Griechisch, Albanisch, Rumänisch, Bulgarisch, Serbisch, Kleinrussisch, Grossrussisch, Polnisch), I. — Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe, Bd 34. Wien, 1884; II. — Bd 35; Wien, 1885; Nachtrag I. — Bd 37. Wien, 1889; Nachtrag II. — Bd 38. Wien, 1890. Рецензию Ф. Е. Корша (неоконченную) см.: Archiv für slavische Philologie. Bd 8. 1885, H. 4, с. 637—651; Bd 9. 1886, H. 3, с. 487—520; H. 4, с. 653—682. Выборка украинских слов из труда Миклошича: О. М а к а р у ш к а. Словар українських виразів, перенятих з мов тюркських. — Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. Т. 5 (1895), с. 1—14 (разд. пар.); рецензии: Н. Ф. Сумцова в «Киевской старине» (Т. XI, 1885, апрель, с. 755—760) и J. Budenz'a в будапештском Nyelvtudományi Közlemények (kötet 19. 1885). Fr. von Kraelit z - Greifenhorst. Corollarien zu F. Miklosichs «Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen». Wien, 1884—1890. — «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse». Bd 166, № 4, 1911.

²⁰ Тезисы доклада опубликованы в материалах съезда: Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929, sv. II, Praha, 1932, с. 554—556

где сформулированы основные требования методики изучения тюркизмов в славянских языках, причем они в значительной степени близки к требованиям, ранее высказанным Ф. И. Эрдманом и И. Н. Березиным.

Большое значение имеет «*Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs*» К. Локоча (K. Lokotsch), который вышел в 1927 г. в Гейдельберге и подвел итоги того, что было сделано в этой области после Фр. Миклошича. Основным недостатком довольно емкой работы К. Локоча являются ее чрезвычайная лаконичность, малое внимание к вопросам внутренней истории слов в языках. Тюркологи считали тюркский отдел этого словаря не вполне удачным.

При исследовании тюркизмов в славянских языках почти не делалось попыток разграничить разные хронологические пласты среди заимствованной лексики на основе изучения фонетических и грамматических особенностей заимствований. Поэтому трудно говорить о языковых связях славян с тюрками в древнейшую эпоху.

Отсутствие проанализированного с точки зрения хронологии материала заставляет всех исследователей, занимающихся сравнительной грамматикой славянских языков, ограничиваться самыми общими, подчас противоречивыми замечаниями. Ср., например, высказывания С. Б. Бернштейна в его «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961, с. 104): «Во второй половине I тысячелетия н. э. в праславянский язык проникло некоторое количество тюркских слов. Однако их было немного. Сильное тюркское влияние наступает позже. Значительны его следы в болгарском, сербохорватском языках, меньше в восточнославянских языках.

Интересно, что славяне не сохранили следов влияния аварского языка, который принадлежал к тюркской группе, несмотря на то что в течение длительного времени (VI—VIII вв.) кочевники-авары господствовали на большой территории, занятой славянами. Кочевники вообще не могли оказать большого влияния на язык подвластного им земледельческого населения». Интересно отметить, что тот же С. Б. Бернштейн в той же самой книге несколько раньше пишет: «Не прошел бесследно период аварского господства и для славянских языков. В сербохорватском, словенском, словацком, чешском, частично украинском мы находим определенный круг общей лексики, который связан с указанными историческими событиями. На этой территории возникли общие новообразования, новые слова» (с. 78). Здесь С. Б. Бернштейн противоречит самому себе, исходя из априористического предполо-

(W sprawie metodologii badań zapożyczeń tureckich w językach słowiańskich), французское резюме на с. 999—1001 (La méthodologie de recherches sur les mots empruntés du turc dans les langues slaves).

жения: раз славяне общались с аварами, то это отразилось в славянском словаре. Однако конкретных примеров аварских слов у славян автор привести не смог.

Конечно, такая постановка вопроса снимает всякую возможность заниматься исследованием древнейших тюркизмов в славянских языках, ибо на основании априористических соображений объявляется невозможным влияние менее культурных кочевников-скотоводов на более культурных оседлых земледельцев. Все тюркизмы признаются позднейшими. А поздние заимствования обычно являются прозрачными и большого интереса для исследователей не представляют. В результате оказывается, что слависты вопросами тюркских заимствований в славянских языках не занимаются. А весьма немногочисленные работы тюркологов по этому вопросу посвящаются восстановлению элементов исчезнувших тюркских языков. В качестве примера такой тюркологической работы можно привести книгу О. Прицака о языке дунайских булгар²¹, где на основании материала булгарских надписей и анализа языковых заимствований сделана весьма интересная попытка определить, на каком языке говорили дунайские булгары.

Одной из больших работ, посвященных анализу истории тюркских элементов в древнерусском языке, является объемная статья И. И. Назарова «Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности»²². В статье содержится весьма значительный, хотя и мало обработанный материал, извлеченный главным образом из деловых памятников относительно позднего времени (XIV—XVII вв.). Из тюркских языков приводятся в основном данные татарского языка. Поздний материал памятников передает тюркские слова в почти неизменном виде. Автор обычно ограничивается простым сопоставлением засвидетельствованных в памятниках слов со словами татарского языка, не привлекая другие тюркские языки и не проводя более глубокого анализа. Статья ценна главным образом собранным материалом, но автор не отмечает ареал распространения заимствованных слов, поэтому можно ожидать, что некоторые из рассмотренных им слов окажутся лишь окказиональными словами или словами, имевшими лишь узко-локальное распространение.

В том же 1958 г. в III выпуске «Лексикографического сборника» (с. 3—47) опубликовано значительное исследование Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря»²³. Это материалы доклада, прочитанного и обсужденного на четырех научных

²¹ O. P r i t s a k. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.

²² См.: «Ученые записки Казанского педагогического института». Вып. 15. Казань, 1958, с. 233—273.

²³ Перепечатано в избранных трудах Н. К. Дмитриева, которые вышли в одном томе под общим названием «Строй тюркских языков» (М., 1962),

заседаниях Комиссии по изучению современного русского языка в Институте языка и письменности АН СССР 20 и 27 февраля, 6 и 15 марта 1942 г. Источником для исследования послужила тюркская по происхождению лексика современного русского языка, зафиксированная в четырехтомном «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, где консультантом по этимологии восточных слов был В. А. Гордлевский, о чем сказано во вступительной статье «От редакции» в 1-м томе «Словаря». Само исследование Н. К. Дмитриева предполагалось как «нечто вроде тюркологической рецензии» на указанный словарь. Большой интерес представляет вступительная часть статьи, где Н. К. Дмитриев рассматривает теоретические предпосылки исследования тюркской лексики в русском языке (в основном вслед за Т. Ковальским).

Аналогичным образом заметки Э. В. Севортяна «О тюркских элементах в „Русском этимологическом словаре“ М. Фасмера», напечатанные в V выпуске «Лексикографического сборника» (М., 1962, с. 11—29), дают тюркологическую рецензию на первое (немецкое) издание «Этимологического словаря русского языка» М. Р. Фасмера, охватывая тюркский материал лишь выборочно.

Н. К. Дмитриев считает, что прежде всего необходимо подвергнуть анализу тюркизмы, имеющиеся в памятниках древней письменности: «Для полного успеха этимологизации тюркизов, усвоенных славянскими языками, необходимо иметь документацию каждого слова и, кроме того, знать эпоху заимствования и те конкретные социально-экономические отношения, которые связывали оба народа в ту эпоху. Пока таких благоприятных возможностей в нашем распоряжении нет. Остается единственный твердый путь: подвергающиеся нашему анализу тюркизмы должны быть изучены только в контексте. Это условие можно соблюсти только тогда, когда мы будем исследовать язык какого-нибудь цельного исторического памятника определенной эпохи. Такова тема о тюркских лексических заимствованиях в языке „Слова о полку Игореве“, в языке „Домостроя“, в записках Котошихина и т. д. Нужны монографии по анализу тюркизов в основных памятниках истории русской литературы²⁴, а по этим монографиям

с. 503—569. Здесь же перепечатана и более ранняя статья «Турецкие элементы в русских арга» (с. 483—502). Также посмертно был опубликован доклад, прочитанный в декабре 1942 г. в ВТО, «Ударение в русских словах тюркского происхождения» (Сборник статей по языкознанию памяти... М. В. Сергиевского. М., 1961, с. 96—104). Ср. также заметку: Н. К. Дмитриев. Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича. — Доклады Академии наук СССР. Серия В. Л., 1926, янв. — февр., с. 13—16.

²⁴ Такая задача выполняется в кандидатской диссертации: И. Г. Доромов. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). М., 1966.

уже может быть построена общая сводка, отражающая историческую перспективу всего процесса» (с. 507—508).

Автор указывает, что при исследовании заимствований необходимо учитывать не только фонетику, но также семантику, морфологию и синтаксис заимствований (с. 508), по мере возможности следует также привлекать культурно-исторические данные. Последние в сочетании с языковыми фактами позволяют более точно установить время и место заимствования.

Вторая — основная — часть статьи Н. К. Дмитриева посвящена анализу тюркизмов русского словаря. Эта часть состоит из четырех автономных словариков: 1) достоверные тюркизмы; 2) тюркизмы, которые еще требуют дальнейших уточнений; 3) проблематичные тюркизмы («Слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы»); 4) дополнительный список тюркизмов, которые не были разнесены по предыдущим рубрикам, что свидетельствует о незавершенном характере исследования.

В различных зарубежных изданиях появились довольно многочисленные статьи зарубежных тюркологов: Г. Дёрфера, К. Менгеса, Ю. Немета и М. Рясенена — о тюркских (или — шире — урало-алтайских) словах в славянских языках²⁵. Что касается тюркских элементов в лексике древних памятников русской письменности, то всестороннему анализу они подверглись лишь в двух памятниках древнерусской литературы — в «Слове о полку Игореве» и менее интенсивно в «Повести временных лет». Выявление отдельных тюркизмов в составе «Слова о полку Игореве» и анализ этих тюркизмов начинаются уже в первые десятилетия XIX в. в трудах исследователей этого памятника. Но эти исследования большей частью проводились не специалистами по тюркологии, поэтому выводы здесь не всегда точны и достоверны. Работы же, написанные тюркологами, обычно не учитывают факты истории русского языка (исключение представляют работы Ф. Е. Корша). Первой попыткой исследования тюркской лексики в «Слове о полку Игореве» была уже упомянутая работа Ф. И. Эрдмана «Следы азиатизма в „Слове о полку Игореве“», если не считать замечаний А. Я. Италинского о восточных словах в «Слове о полку Игореве», которые А. И. Тургенев пересылал для А. С. Пушкина. Но лингвистического материала в этой работе Ф. И. Эрдмана мало. Впервые тюркский материал этого замечательного памятника древнерусской литературы был использован для доказательства «древности песни» И. Н. Березиным в рецензии на книгу Николая Гербеля «Игорь, князь Северский»²⁶.

²⁵ См. библиографию в книге: K. H. M e n g e s. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968.

²⁶ И. Н. Б е р е з и н. [Рец. на:] Игорь, князь Северский. Поэма. Перевод Николая Гербеля. — «Москвитянин». 1854, ноябрь, кн. 2 (№ 22), отд. IV, с. 68—71.

Однако все эти тюркологические работы не содержали глубокого исторического анализа и веских аргументов, они имели своей целью лишь накопление фактического материала. Поэтому в последующей полемике П. М. Мелиоранского с Ф. Е. Коршем о восточных словах в «Слове о полку Игореве» на страницах «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук» (1902—1906) материалы из более ранних исследований почти не учитывались. Появившиеся в ходе этой полемики две статьи П. М. Мелиоранского и две статьи Ф. Е. Корша²⁷ касаются больше вопросов исторической тюркологии. Тюркский материал «Слова о полку Игореве» рассматривался в плане характеристики кыпчакских и вообще тюркских языков домонгольского периода. Анализу лишь отдельных тюркизов посвящены и более поздние статьи С. Е. Малова и В. А. Гордлевского²⁸.

Затрагивает вопрос о тюркизмах в лексике «Слова о полку Игореве» и А. Зайончковский в своей монографии о половецко-славянских языковых связях²⁹. В этом труде частично анализируется также материал русских летописей: привлечены издания Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. Обобщением всех предыдущих исследований о тюркских элементах в лексике «Слова о полку Игореве» явилась книга тюрколога К. Менгеса³⁰. Работа К. Менгеса построена на обширном материале самых различных восточных языков, но в центре ее внимания стоят языки тюркские.

Тюркизмы других древнерусских памятников детальному рассмотрению не подвергались. Работа П. М. Мелиоранского «За-

²⁷ П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС. Т. 7. Кн. 2. СПб., 1902, с. 273—302; Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского: ИОРЯС, т. VII, кн. 2, с. 273—302). — Там же. Т. 8. Кн. 4. СПб., 1903, с. 1—58; П. М. Мелиоранский. Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» (Ответ Ф. Е. Коршу). — Там же. Т. 10. Кн. 2. СПб., 1905, с. 66—92; Ф. Е. Корш. По поводу второй статьи проф. Мелиоранского «О турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“». — Там же. Т. 11. Кн. 1. СПб., 1906, с. 259—315.

²⁸ С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — ИАН. ОЛЯ. Т. 5. Вып. 2. М.—Л., 1946, с. 129—139; он же. Тюркизмы в старорусском языке. — ИАН. ОЛЯ. Т. 10. Вып. 1. М.—Л., 1951, с. 201—203; В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — Там же. Т. 6. Вып. 4. М.—Л., 1947, с. 317—337 (последняя статья перепечатана во втором томе «Избранных сочинений» В. А. Гордлевского). В этих работах мало учитывается история русского языка. В 70-е годы ряд статей по тюркизмам «Слова о полку Игореве» опубликовал Н. А. Баскаков — ученик В. А. Гордлевского. По замыслу автора эти статьи должны охватить всю тюркскую лексику «Слова».

²⁹ А. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949.

³⁰ K. H. Menges. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the Igor' Tale (Slovo o rylku Igorevë). N. Y., 1951 (Supplement to «Word», № 1). Ср. дополненное издание на русском языке: К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

имствованные восточные слова в русской письменности домонгольского периода»³¹ носила предварительный характер: в ней были подвергнуты этимологическому анализу тюркизмы, встретившиеся в летописях и некоторых других памятниках письменности, а также изложен план будущего исследования. В упомянутой выше работе А. Зайончковского сделаны многие дополнительные наблюдения над тюркскими собственными именами и над заимствованной лексикой. Но анализа тюркизмов в лексике отдельных памятников сделано не было. Анализ восточных слов в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина в работах разных авторов направлен в сторону комментирования текста³². Поэтому в силе остается сказанное Н. К. Дмитриевым о необходимости исследования тюркизмов в древнерусских памятниках, особенно в памятниках древнейших. В первую очередь необходимо изучение тюркизмов со славистической точки зрения. Для этого необходимо рассмотреть историю тюркских заимствований в славянских языках, изменение их с фонетической, формальной и семантической сторон. Исследование истории тюркских слов в славянских языках наталкивается на целый ряд трудностей.

Во-первых, письменные памятники дошли до нас от сравнительно позднего времени. При этом слово встречается очень редко и с большими промежутками во времени. Это затрудняет возможность проследить историю слова в древнем и новом русском языках.

Во-вторых, языки-источники обычно не имеют письменных памятников. Исключение представляет половецкий язык: половецкий словарь и тексты на половецком языке дошли до нас в записи миссионеров от конца XIII — начала XIV в. Есть и более

³¹ ИОРЯС. Т. 10. Кн. 4. СПб., 1905, с. 109—134; ср.: П. М. М е л и о р а н с к и й. Слова «чатыхул» и «сынъ» в сказании о 42 аморитских мучениках. — Там же. Т. 7. Кн. 4. СПб., 1902, с. 430—432. Ср. также отражение его доклада «О турецких элементах в памятниках русской письменности домонгольского периода» в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» [Т. 17 (1907). Вып. 1, с. VII—XII] с замечаниями выступавших при обсуждении доклада.

³² Ю. Н. З а в а д о в с к и й. К вопросу о восточных словах в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1466—1472 гг.). — Труды Института востоковедения АН УзССР. Вып. 3. Таш., 1954, с. 139—145; Л. Ш т е р н б а х. К толкованию терминов в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. — НАА. 1964, № 6, с. 75—77; Н. А. Т и т а р е н к о. Восточная лексика в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. — «Известия Воронежского педагогического института». Т. 126. (Вопросы грамматики и лексики русского языка), 1972, с. 152—170; A. Z a j a c z k o w s k i. Material językowy persko-turecki z «Wędrawki za trzy morza» Nikitina (XV w.) — RO. T. 17 (1951—1952). Kraków, 1953, с. 47—67; P. W i n t e r - W i r z. Die Fremdwörter in Afanasij Nikitins «Reise über drei Meere» 1466—1472. — «Zeitschrift für slavische Philologie». Bd 30. H. 1. Heidelberg, 1962, с. 86—113. Ср. также: И. Г. Д о б р о д о м о в. Восточные слова в Азбуковнике конца XVI в. — Питання східнослов'янської лексикографії XI—XVII ст. Матеріали симпозиуму. Київ, 1979, с. 79—84.

поздние памятники (тюрко-арабские словари и документы половецкоязычных армян Львова и Каменца-Подольского). Но и эти памятники половецкого языка на два-три столетия отдалены от времени первых контактов древних русов с половцами.

В силу этих причин приходится прибегать к реконструированию истории слов, которые были заимствованы. Восстанавливается облик русского слова в предшествующий период истории языка. Параллельно восстанавливаются тюркские слова во все более и более архаичной форме. Восстановление этих предполагаемых форм идет до тех пор, пока славянская и тюркская формы не совпадут. Это совпадение означает, что перед нами форма, относящаяся ко времени заимствования слова.

Но для построения древних форм тюркских слов имеется серьезное препятствие: слабая разработанность истории конкретных тюркских языков.

В силу последнего обстоятельства приходится привлекать данные не только почти всех тюркских, но и данные других алтайских языков (монгольских, тунгусо-маньчжурских). Такое чрезмерное расширение исследуемого материала важно потому, что заимствованное из древнейших тюркских языков слово могло исчезнуть из современных тюркских языков, но сохраниться в монгольских или тунгусо-маньчжурских языках. Следовательно, исследование древнейших тюркизмов русского (и вообще славянского) словаря перерастает в исследование алтайско-славянских языковых связей.

При изучении особое внимание следует уделять изменению звуковой оболочки слова в момент заимствования — звуковым субституциям, которые, по-видимому, подчиняются определенным закономерностям и не носят случайного характера. Звуковые субституции являются результатом приспособления заимствованного слова к новой фонологической системе, в которой дифференциальные признаки фонем сочетаются несколько иначе.

Наиболее сложно происходит освоение конечной части слова, где перекрещивается действие фонетических и морфологических факторов. К слову могут быть добавлены новые звуки — суффиксы или окончания, могут исчезнуть отдельные звуки, которые случайно совпадут с известными окончаниями.

Заимствованные слова легко узнаются по своему строению, которое зачастую противоречит фонетическим и морфологическим законам того языка, в который они попали. Отсутствие результатов действия фонетических изменений в структуре слова является самым ярким признаком заимствованного слова, хотя это слово и подвергается определенным звуковым изменениям, которые вызываются действием живых фонетических законов и субституционных закономерностей. В результате воздействия языковой системы заимствованное слово получает ряд особенностей, свой-

ственных данному языку в настоящее время. Эти особенности объединяют заимствования с другими словами языка. Но по истории своих составных частей, по фонемным комбинациям слово остается чуждым для принявшего его языка. Ср., например, наличие звука *ѣ* как признак заимствования для славянских языков. Признаком заимствованного слова для русского языка может быть слог *ке* (*кепка* и т. п.).

Заимствованные слова, особенно сравнительно новые, часто не подчиняются и морфологической системе языка. Ср., например, несклоняемость целого ряда заимствованных имен существительных в русском языке или наличие особых иноязычных аффиксов.

Есть также и некоторые семантические признаки заимствованных слов. Так, для заимствований из близкородственных языков часто характерно то, что они имеют более абстрактное и обобщенное значение по сравнению с соответствующими им исконными словами, которые имеют более конкретный характер. Ср. старославянские слова в русском языке и соответствующие им русские (*сторона* — *страна*, *городить* — *ограждать* и т. п.). Что касается заимствований из языков неродственных, то здесь, по-видимому, чаще наблюдаются случаи, когда заимствование несет какую-то оценочную функцию, обычно уничижительную. При этом следует отметить, что чем древнее заимствование, тем больше ассимилируется оно языком и тем труднее установить признаки его как заимствования. Поэтому заимствования, сделанные языком в дописьменный период, выявить нелегко. Для таких слов особенно трудно определять хронологию их вхождения в язык. К тому же в письменных языках отсутствуют строгие нормы, какие мы видим в развитых литературных языках и которые препятствуют радикальному переоформлению заимствованного слова в плане сближения с исконными словами. Поэтому дописменные устные заимствования подвергаются более сильному изменению уже на первых порах своего существования в заимствующем языке и их определение затруднительно. Для выявления таких заимствований приходится оперировать широким кругом языков как родственных, так и неродственных, что представляет большие трудности, ибо многие языки до сих пор плохо разработаны в плане их истории.

При изучении заимствований важно учитывать, как долго имели языковые контакты данные народы. При весьма длительных контактах меняются и заимствующие языки и языки-источники. Важно учитывать историю всех контактирующих языков. Это дает возможность выделить древнейшие заимствования, отделив их от позднейших. Калькирование и заимствование — явления одного порядка. Но следует думать, что калькирование имеет место тогда, когда связи между носителями разных языков особенно интен-

сивны и близки. Поэтому древнерусские кальки *половцы*, *черные клобуки* могут свидетельствовать об особенно широких связях с этими народами.

* * *

Хотя изучение восточных элементов русского языка началось уже в XVIII в., но до сих пор, даже после выхода словаря Е. Н. Шиповой, мы пока не имеем больших работ, в которых тюркизмы русского словаря подвергались бы всестороннему исследованию. Нет даже работы, которая подвела бы итог достижениям в этой области, показала бы, как совершенствовались методы анализа тюркизмов русского словаря. Было бы интересно проследить, как изучение этого частного вопроса русского и тюркского языкознания зависело от общего состояния научной разработки истории и теории славянских и тюркских языков. На конкретном примере изучения этимологии и истории одного старого тюркизма можно сделать наблюдения, которые показали бы, как постепенно, в связи с накоплением материала, углублялись и уточнялись методы исследования языковых заимствований вообще³³.

Сейчас главной задачей в области изучения тюрко-славянских языковых связей является учет всего сделанного и тщательная разработка истории тюркской лексики в составе русского языка, а также истории русской по происхождению лексики в составе тюркских языков.

Анализ тюркизмов русского словаря зависел от степени изученности как русского, так и всех тюркских языков. Исследователи, занимавшиеся одними и теми же вопросами, переходили от простых сопоставлений к более точным определениям, приближались к установлению более точных условий заимствования. Однако, как правило, не всегда учитывались факты истории русского языка; привлекался (преимущественно по словарю В. В. Радлова) весьма ограниченный тюркский материал. Но даже в этих условиях было сделано большое количество чрезвычайно ценных наблюдений, которые помогают точнее установить время и место заимствования.

Исследование древнерусских заимствований из тюркских языков осложняется также отсутствием точных сведений именно о тех языках, из которых осуществлялось заимствование, а также весьма неточной хронологией: раннее заимствование могло быть зафиксиро-

³³ В таком ключе написана статья: И. Г. Д о б р о д о м о в. О методах исследования древнейших тюркизмов в составе русского словаря (К истории слова *жемчуг*). — «ИАН СССР. Серия литературы и языка». Т. 25. Вып. 1. 1966, с. 57—64. Статья имеет раннюю аналогию в венгерском языкознании: L. L i g e t i. A török szókészlet története és török jövevényszavaink (*Gyöngy*). — «Magyar nyelv». 42. 1946, с. 1—16. Перепечатано фотомеханически в кн.: L. L i g e t i. A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van, 1. Budapest, 1977, с. 48—64.

ровано впервые в сравнительно позднем памятнике. Поэтому приходится восстанавливать как тюркскую, так и древнерусскую исходную форму, а также учитывать исторические данные.

Весьма существенным моментом при изучении древнейших славянских заимствований из тюркских языков является учет их географии, т. е. широты распространения в современных славянских языках и их диалектах. Данные географии слова должны увязываться с историческими данными. Древнерусское заимствование из языка торков *жънчугъ* и сербохорватское *ђънђуха* могут восходить к одному источнику: торки после их разгрома русскими князьями, по сообщению Лаврентьевской летописи, в 1060 г. бежали к Дунаю: «Изяславъ и С[вя]тославъ и Всеволодъ и Всеславъ совокупи[ша] вои бещислены·[и] поидоша на конихъ и в лодяхъ бещислено множество на Торкы се слышавше Торци оубояшася пробъгоша и до сегодне». По византийским источникам, эти торки переправились через Дунай и захватили Дунайскую равнину. Часть их была поселена в Македонии³⁴. Вероятно, именно они принесли слово *ђънђуха* на Балканы.

При рассмотрении географии тюркизмов следует учитывать также и данные неславянских языков, материал которых помогает нарисовать общую картину распространения слов и лучше установить фонетические особенности исчезнувших тюркских языков. Такое комплексное изучение тюркизмов дает возможность уточнить относительную и абсолютную хронологию фонетических процессов во всех привлекаемых для анализа языках.

Только благодаря применению таких методов исследования становится возможным дать глубокое и точное разрешение вопроса о древнейших тюрко-славянских языковых связях, расчленив все многочисленные тюркизмы русского словаря на разновременные слои, привязать эти слои к определенным тюркским народам, что послужит весьма важным материалом также и для историка культуры.

³⁴ В. Г. Васильевский. Труды Т. 1. СПб., 1908, с. 26—29.

Вынужденное корректурное дополнение. Текстуальная близость данной публикации к статье: О. С. О р а з о в а. К истории изучения тюркизмов в русском языке (Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук, 1976, № 5, с. 73—78) — объясняется наличием общего для них источника — кандидатской диссертации: И. Г. Д о б р о д о м о в. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). М., 1966.